

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39:114/115

Рецензия на книгу: Дмитриев В.А. Отношение к пространству и времени в культуре народов Северного Кавказа

СПБ.: ИЗД-ВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2009.– 401 с.

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ КАРПОВ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург

Доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии народов Кавказа
e-mail:ukarp@bk.ru

В рецензии проанализированы основные положения монографии В.А. Дмитриева, посвященной моделированию и «использованию» пространства и времени в традиционных бытовых и сакральных практиках народов Северного Кавказа. Подчеркнуто, что автором проделана большая работа по сбору и обобщению разнообразных материалов, характеризующих систему метрологии, значение социальной организации в формировании хронотопа традиционной культуры, основные слагаемые пространственного поведения в различных зонах семейно-бытовой культуры, закономерности формирования особенностей временных циклов (начиная с суточных через недельные к годовым) в жизнедеятельности общества и его частей – семей, половозрастных групп населения и др. В итоге это позволило В.А. Дмитриеву сделать важные заключения относительно концептуального пространства и концептуального времени в культуре северокавказцев и тем самым внести заметный вклад в изучение культурно-исторических особенностей жизненных практик населения указанного региона.

Ключевые слова: этнография народов Северного Кавказа, моделирование пространства и времени в традиционной культуре.

UDC 39:114/115

Review of: Dmitriyev, V.A. Attitudes to Space and Time in the Culture of the North Caucasus Peoples

SPB.: ST. PETERSBURG UNIVERSITY PRESS, 2009. – 401 pp.

YURI YU. KARPOV, D.Sc. (History)

Head, Department of the Ethnography of the Peoples of the Caucasus,
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences
("Kunstkamera"), St. Petersburg, Russia
e-mail:ukarp@bk.ru

The review analyses the main issues raised in, and the entire subject-matter of, V.A. Dmitriyev's monograph devoted to the modeling and "use" of space and time in traditional mundane and sacral practices of the peoples of the North Caucasus. The reviewer emphasizes the fact that the author has performed a great deal of work to collect and sum up diverse materials characterizing the system of metrology, the significance of social organization in the formation of the chronotopos of traditional culture and the main constituents of spatial behaviour in different zones of family-based culture and the laws of formation of time cycles (beginning with daily, through weekly to annual ones) in the life of society and its parts, such as families, gender and age groups of the population, etc. As a result, V.A. Dmitriyev succeeded in drawing important conclusions regarding the conceptual space and time in the culture of the North Caucasus, thus making an appreciable contribution to the study of the historical-cultural peculiarities of the life practices of the population of the said region.

Key Words: ethnography of the peoples of the North Caucasus, modelling space and time in traditional culture.

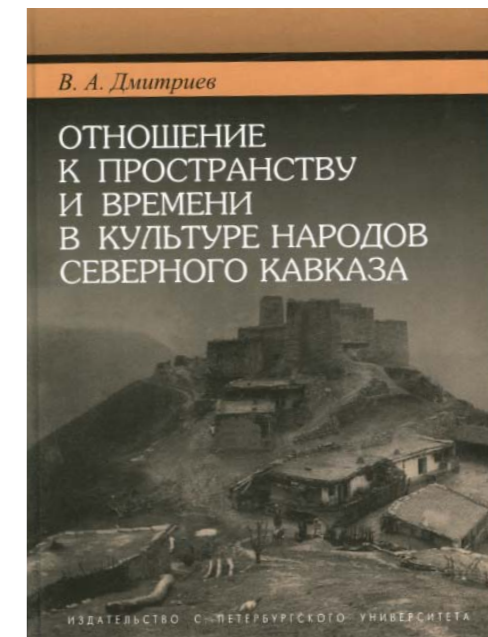
Мир человека, мир людей предметен. Я употребляю это определение в том смысле, что человек и людские сообщества активно используют объекты природы, часто «перестраивая» их под себя, насколько им это под силу. Примеры тому – разнообразно используемые земельные угодья, водные источники, рельеф местности как таковой и др. Люди создают и огромную массу рукотворных вещей. Тем самым конкретные человеческие коллективы вписывают себя в окружающий мир в его локальных зонах. Впрочем, «изобретательность» человека имеет свои границы. Используется и создается то, что необходимо, а параметры используемого и сотворенного определяются физическими возможностями людей, элементарно тем, что можно подержать (удержать) в руках в прямом и в переносном смысле.

Одной из главных целей этнографической науки является изучение закономерностей функционирования историко-культурных общностей. И в ее рамках вопросы пространственно-временного конструирования и регулирования культурных (этнокультурных) полей занимают особое место.

Монография Владимира Александровича Дмитриева посвящена именно этим аспектам – принципам моделирования и жизнедеятельности северокавказских обществ в параметрах пространства и времени.

Если в изучении подобной проблематики применительно к ряду отдельных этнокультурных традиций Кавказского региона имеются определенные достижения, то в отношении анализа культурно-исторических традиций народов всего региона в означенном аспекте работа В.А. Дмитриева является новаторской. Считаю необходимым отметить, что исследовательские качества автора органично сочетают в себе навыки работы археолога (Дмитриев по базовому образованию археолог, и это в небольшой степени определяет его пристрастие к «точности»), музейщика-этнографа (со стажем работы более 30 лет) и этнографа-полевого со столь же многолетним опытом. Все это обуславливает хорошее знание им разностороннего материала, а также методологически выверенный и многоплановый его анализ.

Пространственно-временные параметры жизнедеятельности традиционных северокавказских обществ рассматриваются В.А. Дмитриевым в широком ракурсе. Это приемы и результаты землепользования, компоненты быта, предоставляющие информацию о принципах структурирования освоенного пространства. Это временные характеристики (длительность, ритмы) производственных процессов,

норм и основных практик бытового поведения в различных общественных группах и структурах. Дмитриев ставит перед собой и другую большую задачу, а именно – исследования принципов моделирования общественного пространства, которые в разных северокавказских обществах не были одинаковыми.

Монография состоит из нескольких частей, что не нарушает ее целостности и цельности восприятия. Излагая один блок информации за другим, автор формирует развернутую характеристику жизнедеятельности местных обществ, а равно и отдельных людей, принадлежащих им, в плане их самоощущения и самореализации в окружающем мире в заданных пространственных и временных рамках.

Книга начинается с главы, представленной в качестве введения к основному тексту. В ней излагаются сведения по традиционной метрологии народов региона. Отмечая, что метрология северокавказцев является типичным локальным вариантом едва ли не универсальных традиционных метрологических систем, в которых отсутствуют такие объективные физические величины, как расстояние, скорость, вес, а ведущим типобразующим признаком является чувственная наглядность, В.А. Дмитриев конкретизирует эти тезисы многочисленными примерами из сферы хозяйственной деятельности (напр.: «в пашенном земледелии существовали две меры площади – загон и однодневная пахота» – с. 13; «меры обработки шерсти являются полностью локусами топологического объема, формировавшегося сугубо в <...>

постоянно воспроизводившейся области перехода от практических действий к навыкам» – с. 22), из области материальной культуры, будь то одежда («использование длины малого локтя, очевидно, служило мерой нормативной длины верхней части одежды и ее ширины в плечах» – с. 47) и архитектурных сооружений («метрологические операции строителей чаще происходили на уровне подсознательного, а само пространство дома воспринималось не как мерное, а как топологическое» – с. 55). Солидный объем материала позволил автору сделать обобщения не только относительно общих черт метрических практик у народов региона, но и о специфике оных в разных этнокультурных средах, обусловленной особенностями мест проживания, историческими судьбами народов, а также проследить некоторые закономерности в изменениях указанных практик, связанных с эволюцией костюма, домостроительства, появлением предметов фабричного производства и др.

Особую и весьма значительную по объему часть монографии составляет глава «Значение социальной организации в формировании хронотопа традиционной культуры». В ней социальную организацию В.А. Дмитриев преимущественно рассматривает под углом зрения фиксирования определенных структурных закономерностей. Таковые он усматривает в делении тех или иных этнических образований – этносов, «племен» на некоторое количество звеньев – «родов», фамилий, благодаря чему сама социальная структура приобретала устойчивость. Материалами для подобных выводов служат местные предания и информация авторов XVIII–XIX вв., которые посещали регион либо были его уроженцами. Например, относительно ингушей приводится информация о расселении в районе Тарской долины семи «племен» и делается следующее заключение: «Так как мы имеем дело с одним из сакральных чисел (выше было отмечено, что числа 9, 7 и производное от них 63 являются сакральными. – Ю.К.), возможно, в данном случае проявилась организация пространства посредством искусственного “правильного” подсчета числа фамилий» (с. 75). Аналогичный допуск «направленной самоструктуризации» чеченского социума видится автору в наличии девяти местных тукхумов, составлявших «страну» (с. 72, 73). Схожий вывод делается на осетинском материале о делении народа на семь племен, что, скорее всего, фиксирует «существование общего сакрализованного принципа организации мира» (с. 89).

Более детально представлены материалы по адыгским народам. В качестве исходных взяты сведения, полтора века назад изложенные местным просветителем Хан-Гиреем. Дмитриев отмечает: «В том, что Хан-Гиреем была предложена схема, а не реальное описание структуры кабардинского социума, сомневаться не приходится» (с. 123; см. также с. 127). Такой вывод автор делает на том основании, что в описаниях отдельных «племен» из раза в раз повторяется неуклонное стремление Хан-Гирея придать оным вид «идеальных конструкций» с частым использованием в качестве основополагающего механизм дуального членения системы. В.А. Дмитриев же показывает несоответствие реалий «идеалу» и подчеркивает, что «не столь важно, какое число использовалось для придания социуму структурного порядка, важно, что без сакральных чисел не мыслилось создание порядка» (с. 140), а также, что «для описания физического пространства и топосов действия повсеместно использовался дискурс социального пространства», представленный двумя типами мироощущения – «мир внутри себя» либо перенос на весь мир принципов организации собственной группы (с. 147).

Весьма полезные для осмысления социальных и социокультурных практик выводы, хотя, надо признать, не очень легкие для восприятия в силу манеры их изложения автором.

Следующие главы книги посвящены «пространственному поведению» и временным циклам – малым и годовому – в традиционной культуре народов Северного Кавказа.

Общая их аннотация может быть сведена к следующему.

Автор отмечает бытование в местной среде двух вариантов суточного времени. Один из них являлся способом организации времени, использовавшимся в занятиях мужчин во внешнем пространстве, вне дома. Другой был присущ семейному пространству в домашних условиях. Соответствующие блоки информации рассмотрены автором весьма обстоятельно. Им выделены этнические и субэтнические варианты хронометрии суток, недели, других сроков продолжительностью меньше месяца. При том что в литературе имеется значительное количество информации по данной теме, однако до сих пор она не была удовлетворительно систематизирована. В.А. Дмитриев проделал эту работу, тем самым предоставив дополнительные возможности для осмысления некоторых начал в функционировании традиционных обществ. В местных традициях, помимо прочего, он проследил логику выстраивания недельного периода, в свете которой

понедельнику было придано значение предвремья, чем достигался циклический переход от конца недели к ее началу. Система положительных установок и запретов на осуществление тех или иных действий в конкретные дни недели формировала «правильное» поведение представителей одного и другого пола.

В свою очередь год автор рассматривает как согласованное сочетание нескольких циклов жизнедеятельности и календарной системы. Первой и фактически первичной системой он предлагает считать цикл хозяйственных работ. Второй цикл определялся последовательным чередованием праздников и ритуалов, которые первоначально могли иметь связь с узловыми событиями хозяйственного года, но затем обрели самостоятельность, то есть им было придано особое смысловое значение. Третий цикл В.А. Дмитриев связывает с делением года на летний и зимний периоды, неравные по продолжительности. Наконец, четвертой системой, заимствованной из христианского календаря и адаптированной к местным условиям, но использовавшейся преимущественно как счетный инструмент хронометрии, был 12-месячный календарь. Согласно выводу автора, в целом годичный цикл имел все признаки рукотворного культурного времени *tempus*.

Параллельно В.А. Дмитриевым представлена развернутая картина освоения семейной общиной окружающего пространства с выделением значимых в том или ином отношении и использовавшихся людьми природных и рукотворных объектов – населенного пункта (села), фонда угодий и вспомогательных построек на участках для выпаса скота. Примечательно, что в ряде местных традиций подобный комплекс именовался «горой», а чаще «ущельем» (что едва ли не напрямую подразумевает связь с «горой»). Проанализировав разнообразные материалы, автор приходит к выводу, что в традициях населения горных районов представление (и соответственно фиксирование) пространственных границ получило слабое развитие и это обуславливало возрастание значения места и заполнявших пространство предметов. В.А. Дмитриев определяет значение пространственных узлов, в роли которых обычно выступали боевая башня, родовая склеп, святилище, а также речной мыс и др. Он прослеживает различия «базовых центров хозяйственной жизни общины» – основного и временного жилища, в частности, констатируя, что в первом «царило время семейного коллектива», а второе «было аналогично военному лагерю мужчин, находящихся в набеге; время здесь отличалось особенностями, при-

сущими деятельности активной, агрессивной по отношению к внешнему миру малочисленной группы» (с. 152, 153). На мой взгляд, это заключение автора небесспорно, хотя бы уже потому, что практики отхода (сезонной, трудовой миграции), с которыми он соотносит «временные» мужские походные лагеря (а здесь и далее проводится именно такая линия), имели свою выраженную специфику, значительно отличавшую их от походного/военизированного лагеря. Равно, по моему мнению, не понятной выглядит ссылка «на обычное явление в Дагестане выносить пахотные наделы выше селений» (с. 153). О чем таковое свидетельствует? О способностях кавказских мужчин осваивать пространство, находящееся «вне собственного пространства»? Но пахотные наделы, которые они возделывали, были их общин собственными территориями – владениями, иначе они не смогли бы совершать на них надлежащие производственные операции. А о сезонных поселениях, в данном случае, говорить не приходится. Тем более, вряд ли известные практики организации временных военизированных лагерей дают основания для подобных сопоставлений.

Изложенные блоки информации и размышления по поводу них подводят автора к обобщениям, к пониманию и интерпретации концептуализации восприятия времени и пространства народами Северного Кавказа. В заключительной седьмой главе книги им поставлен и достаточно обстоятельно разработан вопрос освоения в местной культуре хронотопа через проекцию на него социальных связей. В первую очередь соседской общины, семейно-родственных групп, получивших в кавказоведческой литературе наименование патронимий. Вслед за таким авторитетным исследователем культуры древних и традиционных обществ, как А.Я. Гуревич, он подчеркивает значение и роль в местной среде проекции социальных связей на физическое пространство, что, с одной стороны, позволяло устранять из концептуального пространства фактор излишне сложного, многоликого рельефа, с другой – придавало физическому пространству центрические формы. В принципах и практиках «организации» пространства социума как такового В.А. Дмитриев особое внимание уделяет роли таких социальных единиц, как община, когда при целенаправленном использовании числовых оснований формировалась виртуальная структура.

В.А. Дмитриев утверждает, что в местных традициях можно выделить использование в этих целях двух основных принципов: стрем-

ление к дуальной симметрии организации социума и использование чисел с «особым значением». Само количество подобных чисел впечатляет. В разных этнокультурных средах они почти не повторялись, но их ряд в «региональном масштабе» «простирается» от числа 2 до числа 22 (последнее число, по интерпретации автора, заменяет в этом ряду число 20). В.А. Дмитриев объясняет наличие каждого из чисел в подобном списке, в том числе используя выкладки профессиональных математиков. Например, такую (как я полагаю, в собственном изложении): «В математике число 8 означает суперсимметрию, а 11 – супергравитацию. Супергравитация является свойством самого совершенного пространства, одиннадцатимерного, и, следовательно, число 11 также может быть отнесено к основаниям, дающим объединение из множества единиц, и весьма полное» (с. 340). Не решусь быть категоричным относительно использования подобных суждений представителей «большой математики» применительно к культурным и социокультурным реалиям отдаленного и не очень прошлого. Отмечу лишь, что автор здесь же приводит данные о том, что местное население в бытовых практиках чаще всего группировало предметы по 2, 3, 6 и 7 (с. 340). Сакральными же считались иные числа и выбирались они разными народами свои – «по сверхчувственному <...> признаку» (с. 341) (!?). В любом случае, как обоснованно утверждает автор, использование числовых комбинаций служило попыткам создания идеального пространства культуры.

В преданиях местных народов автор отмечает использование двоичной и троичной моделей организации вселенной. Не ссылаясь на К. Леви-Стросса, согласно выводам которого дуальная организация является всего лишь установлением «нулевого цикла», «пределом, к которому стремятся системы» троичные¹, В.А. Дмитриев, так либо иначе, приходит к схожему выводу (с. 340, 341). В частности, он говорит о трехчастной структуре освоенного пространства и такой же структуре семейно-родственной организации. Первая в его интерпретации находила выражение в хозяйственном быту и была представлена в виде пахотных наделов, состоявших в подворном владении, сенокосах и выпасах, находившихся в общинной неделимой собственности, а также в пастбищах и лесах, являвшихся неделимой собственностью общины. Вторая структура, прослеживаемая в семейно-родственной организации, изложена автором в виде объединений родственников до 3–4 поколения, до 6–7 поколения и до 9–12 поколений. Первое

поколение родственников помещалось в доме и усадьбе, второе – в родовом поселке или в патронимическом квартале, третье, по оценке автора, «не имеет земельного единства, а является проекцией социального пространства на освоенный мир».

В этой же главе ведется речь о двух «формах обращения с землей» местными общинами и их членами до присоединения региона к России. Эти формы – хозяйственная и набеговая (с. 344 и след.). Автор в целом обоснованно уделяет в работе достаточно большое внимание теме набегов. Однако возникают вопросы. В первую очередь, как следует понимать в качестве «формы обращения с землей» набег? Насколько мне известны соответствующие практики, а также причины и логика, их обуславливавшие, «земля» в них не играла роли. Они были вызваны потребностями придания местным обществам внутренней социальной динамики с соответствующим вектором, реализовавшейся в пространстве, занятым соседями, но не в «земле». Тем более не «обращение с землей» являлось целью и средством реализации набегов. Здесь же отмечу, что набеги были встречно направленными, так что их активные участники менялись местами или позициями – сегодня чеченцы отправлялись в набег к ногайцам за добычей – скотом, пленниками, прочим «добром», завтра – ногайцы к чеченцам, а ингуши к хевсурам, хевсуры к ингушам и т.д. В подобных отношениях, на мой взгляд, достаточно отчетливо прослеживается своеобразное игровое начало². Имело ли здесь заметную (тем более значимую) роль «обращение с землей», вопрос спорный. Убедительность данного утверждения о формировании «концептуального пространства» при его «откровенной антропности» и отсутствии «геометрических внешних границ» (с. 346), как мне кажется, выглядит проблематичной. В контексте и в развитии данного вопроса, на мой взгляд, больший интерес представляет то, как складывались взаимоотношения, например, тех же чеченцев, переселявшихся с периода позднего Средневековья и в начале Нового времени с гор на равнину, с утверждавшейся в регионе российской властью (в книге он не получил освещения). Цитата из документа: «Старейшины чеченского народа обсуждали... вопрос о том, чтобы перекинуться на левый берег Терека... Это решение чеченского народа не было еще приведено в исполнение, когда на левом берегу Терека появились первые поселенцы другой, встречной колонизации, шедшей с севера. Это была казачья колонизация»³. Здесь речь явно идет не о набеге, а фиксация границ выглядит предельно

значимым критерием определения пространства, осваиваемого в ходе направленного движения. Впрочем, и сам автор говорит схоже: «Происходило выявление функций пространства посредством движения».

В заключительной части данной главы В.А. Дмитриев приводит материалы, а также излагает собственные взгляды по вопросам «типических принципов концептуального пространства» (так у автора) и «формировании концептуального (структурного) времени». Здесь следует выделить его мысль о том, что «пространство народной культуры еще не является расчлененным на землю, территорию и образ пространства», однако образы пространства предстают сложившимися, ибо они формируются через восприятие «особо важных участков местности» – горных вершин, священных рощ, речных и морских мысов. А также другой вывод автора, гласящий, что «универсальная характеристика концептуальных пространства и времени состоит в их целиком “рукотворном” происхождении. Представляется, что целесообразно говорить не о “одомашнивании” физических характеристик окружающего мира, а о создании в культуре их аналогов, позволяющих людям сосуществовать с реалиями абсолютного бытия» (с. 395).

Говоря в целом о книге В.А. Дмитриева, необходимо сказать, что она посвящена довольно сложной проблеме, плохо разработанной в науке. В этнографической литературе по Кавказу материалы на означенную тему имеются, однако в качестве научной проблемы «пространственно-временное поведение», «отношение к пространству и времени» в соот-

ветствующих традиционных культурах озвучивались фрагментарно. Повторю, Владимир Александрович Дмитриев в этом направлении подлинный новатор.

Тем обиднее, что текст книги изобилует опечатками и описками, которые порой затрудняют его восприятие. Мне пришлось потратить энное количество времени, дабы понять, какой смысл вложил автор в следующее предложение: «Проекция социального пространства на физическое выделяет на в смеи протяженности участки со свойствами местности» (с. 339). Иногда ошибочные суждения не являются техническими погрешностями. Например, относительно «осетино-вайнахской этнокультурной общности» (с. 173). Что автор вкладывает в «этно-» в данном случае – кавказский, аланский субстраты – либо что-то еще, не ясно. Правоммерно говорить о культурно-исторической общности вайнахов и осетин. Здесь же отмечу, что если о различиях традиций (через заимствования и т.п.) в календарной системе у разных народов региона кратко говорится, то о различиях в восприятии пространства и времени хотелось бы увидеть более пространственный комментарий. В.А. Дмитриев соглашается с В.А. Тишковым относительно того, что часто для этнографов идея мирового дерева и т.п. кажется важнее, чем интерес к практикам освоения и использования пространства (с. 332), однако сам он, как мне видится, нередко излишне увлекается нумерологией в некоторой степени в ущерб интерпретациям собственно практик.

Впрочем, это мелочи, не заслоняющие очевидных заслуг автора в раскрытии «тайн» своеобразного мира Кавказа.

¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М., 1985. – С. 135, 136, 143.

² См.: Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб., 2007. – С. 433–436.

³ Цит. по: Карпов Ю.Ю. История народов Северного Кавказа в контексте социокультурного взаимодействия с иноэтничным окружением // Евразия: этнос, ландшафт, культура. – СПб., 2001. – С. 386, 387. Косвенно связанной

с этим вопросом мне представляется и следующая информация: «...признают (чеченцы. – Ю.К.) над собой власть только российскую, называя, однако, себя досами России, т. е. приятелями, ибо на языке их, как и прочих кавказцев, нет слова, означающего зависимость политическую, кроме уже совершенного рабства». – Бутков П.Г. Из «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре»: Чеченцы // Россия и Кавказ, сквозь два столетия. – СПб., 2001. – С. 8.